

САМОПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

K. E. Морозов¹

Статья посвящена попыткам многих либертарианских философов обосновать принцип само-принадлежности с помощью второй формулировки категорического императива. Сначала в статье реконструируется сам принцип самопринадлежности, согласно которому каждый человек обладает естественным правом собственности на свое тело и личность. Существует множество версий этого принципа, которые признают разные наборы таких имущественных прав, но общая черта всех формулировок – их радикальный антипатернализм и, как следствие, признание допустимости саморазрушительного поведения. Затем реконструируются и анализируются два кантинских аргумента в защиту самопринадлежности. Согласно первому, люди обладают внутренней ценностью, а потому никогда не должны использовать просто как инструменты для чужих целей, что запрещает владение другими людьми. Согласно второму, людям необходимо владеть своим телом и личностью для реализации личной и моральной автономии, которые нужны для исполнения морального закона. После этого описываются два способа, которыми самопринадлежность может сочетаться с различными теориями тождества личности: интернализм и экстернализм. Интернализм предполагает, что тело либо тождественно личности, либо является ее частью. Экстернализм предполагает, что тело является чем-то внешним по отношению к личности, которая представляет собой нефизическую ментальную субстанцию. Эти два подхода сталкивают кантинских либертарианцев с дилеммой. Если они принимают интернализм, то самопринадлежность несовместима с категорическим императивом, потому что предполагает самоинструментализацию. Но поскольку все люди обладают равной ценностью, инструментализация самого себя так же недопустима, как инструментализация других людей. Если же

¹ Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная,
д. 12, стр. 1.
Поступила в редакцию: 22.07.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-3

SELF-OWNERSHIP AND THE CATEGORICAL IMPERATIVE

K. E. Morozov¹

This article examines the attempts of many libertarian philosophers to justify the self-ownership principle using the second formulation of the categorical imperative. It begins by reconstructing the self-ownership principle, according to which each person has a natural property right over her body and person. There are many versions of this principle, each recognizing a different set of such property rights; but what all formulations have in common is their radical anti-paternalism and, consequently, the permissibility of self-destructive behaviour. The paper then reconstructs and analyses two Kantian arguments for self-ownership. According to the first, persons have intrinsic value and should therefore never be used as mere means for someone else's ends, which forbids ownership of other people. According to the second, persons must own their own bodies and persons in order to realise the personal and moral autonomy needed to uphold the moral law. Next, the article describes two ways in which self-ownership can be reconciled with different theories of personal identity: internalist and externalist. Internalism holds that the body is either identical with the person or part of the person. Externalism holds that the body is external to the person, which is a non-physical mental substance. For Kantian libertarians, these two approaches present a dilemma. If they accept internalism, then self-ownership is incompatible with the categorical imperative because it involves self-instrumentalization. Since all persons are of equal value, instrumentalizing oneself is just as impermissible as instrumentalizing other persons. However, if Kantian

¹ RAS Institute of Philosophy.
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia.
Received: 22.07.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-3

кантианские либертарианцы принимают экстернализм, то самопринадлежность просто не следует из категорического императива, потому что нарушение прав собственности на внешние ресурсы не является инструментализацией их собственника само по себе. Таким образом, категорический императив и самопринадлежность несовместимы.

Ключевые слова: Кант, категорический императив, самопринадлежность, либертарианство, естественные права, автономия, человеческое достоинство, патернализм, инструментализация

Введение

Иммануил Кант по праву считается одним из самых значимых и влиятельных моральных и политических философов в истории. Неудивительно, что многие современные философские течения пытаются укрепить свою респектабельность опорой на интеллектуальное наследие Канта. Одним из таких течений является либертарианство, обширное семейство теорий справедливости, которые придают значительный моральный вес правам частной собственности. Большинство либертарианцев поддерживают принцип самопринадлежности, согласно которому каждый человек обладает естественным правом собственности на свою личность, тело и труд².

Роберт Нозик был первым либертарианским философом, который попытался обосновать этот принцип с помощью категорического императива (Нозик, 2020, с. 54). Для этого Нозик использует формулировку человечности: «Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоем лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» (AA 04, S. 429; Кант, 1994б, с. 205). Нозик интерпретирует этот принцип в первую очередь как запрет на инструментальное отношение к личности другого. Из этого запрета следуют все стандартные негативные права, включая права на свободу и телесную не-

libertarians accept externalism, then self-ownership simply does not follow from the categorical imperative because violating property rights to external resources is not itself an instrumentalization of their owner. Thus, the categorical imperative and self-ownership are incompatible.

Keywords: categorical imperative, self-ownership, libertarianism, natural rights, autonomy, human dignity, paternalism, instrumentalization

Introduction

Immanuel Kant is widely considered one of the most important and influential moral and political philosophers in history. It is no surprise that many modern philosophical movements have sought to shore up their respectability by drawing on Kant's intellectual legacy. One such movement is libertarianism, a broad family of theories of justice that attach significant moral weight to private property rights. Most libertarians endorse the *self-ownership principle*, which holds that each person has a natural right of ownership over her own person, body, and labour.²

Robert Nozick was the first libertarian philosopher to attempt to justify this principle using the categorical imperative (Nozick, 1974, pp. 30-31). To do this, Nozick uses the humanity formulation: "Act so that you use humanity, as much in your own person as in the person of every other, always at the same time as end and never merely as means" (GMS, AA 04, p. 429; Kant, 2002, pp. 46-47). Nozick interprets this principle primarily as a prohibition on an instrumental attitude towards the person of another. All standard negative rights follow from this prohibition,

² Заметные исключения — Кевин Валлье и Чандран Кукатас (Vallier, 2012; Kukathas, 2019).

² Notable exceptions include Kevin Vallier (2012) and Chandran Kukathas (2019).

прикосновенность. Но также, согласно Нозику, этот принцип запрещает перераспределение богатства и доходов, даже когда это необходимо, чтобы улучшить положение наименее обеспеченных членов общества (Нозик, 2020, с. 216).

Попытка Нозика обосновать самопринадлежность с опорой на категорический императив многократно подвергалась критике (Exdell, 1977; Teuber, 1983; Korsgaard, 1993; Cohen, 1995; Brenkert, 1998; Attas, 2000; Bardon, 2000; Williams, 2013; Чалый, 2014; Varden, 2016; Морозов, 2024a). Тем не менее многие другие либертианские авторы также развивали вдохновленное Нозиком кантианское обоснование самопринадлежности. В их числе Гилльель Штайнер, Роберт Тейлор, Джеймс Оттесон, Эрик Мак, Джайсон Кузницки, Джордж Смит, Крис Сурпренант, Иэн Картер, Фабиан Вендт и многие другие (Steiner, 1994; Taylor, 2004; Otteson, 2009; Mack, 2016; Kuznicki, 2016; Smith, 2016; Surprenant, 2018; Carter, 2019; Wendt, 2022). Цель этой статьи — реконструировать кантианское обоснование самопринадлежности, а затем предложить аргумент против него. Как мы планируем показать, кантианские либертианцы сталкиваются с дилеммой в том, как они могут трактовать связь между личностью и телом. Если они отождествляют их, то самопринадлежность сама по себе нарушает категорический императив в формулировке человечности. Но если они различают личность и тело, то самопринадлежность просто не следует из категорического императива.

Принцип самопринадлежности

Даже среди самих либертианцев многие относятся скептически к идеи кантианского обоснования самопринадлежности. Например, Бас ван дер Воссен указывает на тот факт, что сам Кант в «Метафизике нравов» отвергает идею, что люди могут иметь право собственности на самих себя (Van der Vossen, 2022, p. 121—

including rights to liberty and bodily integrity. But this principle also, according to Nozick, prohibits the redistribution of wealth and income, even when these are necessary for improving the situation of the least advantaged members of society (Nozick, 1974, p. 169).

Nozick's attempt to justify self-ownership using the categorical imperative has been criticized many times (Exdell, 1977; Teuber, 1983; Korsgaard, 1993; Cohen, 1995; Brenkert, 1998; Attas, 2000; Bardon, 2000; Williams, 2013; Chaly, 2014; Varden, 2016; Morozov, 2024a). However, many other libertarian authors have also developed a Nozick-inspired Kantian justification for self-ownership, including Hillel Steiner (1994), Robert Taylor (2004), James Otteson (2009), Eric Mack (2016), Jason Kuznicki (2016), George Smith (2016), Chris Surprenant (2018), Ian Carter (2019), Fabian Wendt (2022), and many others. The purpose of this article is to reconstruct the Kantian justification for self-ownership and then to offer an argument against it. As will be shown, Kantian libertarians face a dilemma in how they conceptualize the connection between person and body. If they identify the two, then self-ownership violates the categorical imperative on the humanity formulation. But if they distinguish person and body, then self-ownership simply does not follow from the categorical imperative.

The Self-Ownership Principle

Even among libertarians, many are skeptical about the idea of a Kantian justification for self-ownership. For example, Bas van der Vossen points out that Kant himself, in *The Metaphysics of Morals*, rejects the idea that people can have property rights over themselves

122; АА 06, С. 270; Кант, 1994а, с. 297)³. Кант обсуждает множество понятий, содержание которых пересекается с «правом собственности», но основное кантовское понятие, которое нас здесь интересует, — это «чисто правовое владение». Это владение, согласно Канту, есть двустороннее отношение между субъектом и внешним объектом. Под внешним объектом же Кант подразумевает просто объект, отличный от субъекта, для которого он является внешним (АА 06, С. 252–253; Кант, 1994а, с. 277). Таким образом, уже на уровне исходных определений Кант устанавливает, что право собственности нельзя иметь в отношении самого себя, а потому самопринадлежность невозможна.

Однако кантианские либертарианцы справедливо могут возразить против этого, что их не должно беспокоить, что сам Кант думал о невозможности права собственности на самого себя. Кант признавал в некотором смысле возможность владения другим лицом: женой, детьми и слугами (АА 06, С. 276–277; Кант, 1994а, с. 304). Сегодня даже среди последователей Канта мало кто разделяет подобные представления. Так и кантианские либертарианцы могут утверждать, что они не стремятся к досягаемому следованию кантовской философии. Скорее, они заимствуют у Канта идеи и аргументы, которые кажутся им полезными и правдоподобными, отбрасывая те элементы кантовского учения, которые представляются им устаревшими и неубедительными⁴. Поскольку наша цель в этой статье — проанализировать правдоподобие кантианского аргумента в пользу самопринадлежности как таковое, а не соответствие этого аргумента мысли самого Канта, далее мы не будем отвергать са-

³ Майкл Оцука также противопоставляет локкеанское либертарианство, которому симпатизирует он сам, и кантианский эгалитарный либерализм, который он связывает с такими авторами, как Джон Ролз, Томас Нагель, Брайан Барри и Томас Скэнлон (Otsuka, 2003, р. 4–5).

⁴ Либертарианцы даже могут утверждать, что самопринадлежность необходима, чтобы сделать кантианство более убедительным. Ведь некоторые версии принципа самопринадлежности исключают возможность владения другим лицом.

(Van der Vossen, 2022, pp. 121–122).³ Kant discusses many concepts whose content intersects with “property rights”, but the primary Kantian concept that interests us here is “merely rightful possession”. Such possession, according to Kant, is a two-way relationship between a subject and an *external object*. By “external object”, Kant simply means an object distinct from the subject for whom it is external (MS RL, AA 06, pp. 252–253; Kant, 1991, p. 75). Thus, even at the level of his initial definitions, Kant establishes that one cannot have ownership rights in relation to oneself and, therefore, that self-ownership is impossible.

Kantian libertarians, however, might rightly object to this, saying that they should not be concerned that Kant himself believed that self-ownership was impossible. Kant acknowledged, in a certain sense, the possibility of owning another person: a wife, children, and servants (MS RL, AA 06, pp. 276–277; Kant, 1991, pp. 95–96). Today, even among Kant’s followers, few share such views. Similarly, Kantian libertarians might claim that they do not strive to strictly adhere to Kant’s philosophy. Rather, they borrow from Kant those ideas and arguments that seem useful and plausible to them, discarding those elements of Kant’s teaching that seem outdated and unconvincing.⁴ Since the goal of this article is to analyse the plausibility of the Kantian argument for self-ownership as such, rather than its consistency with Kant’s own thought, we will not reject self-ownership solely on the basis of Kant’s

³ Michael Otsuka also contrasts Lockean libertarianism, which he himself favours, with Kantian egalitarian liberalism, which he associates with such writers as John Rawls, Thomas Nagel, Brian Barry, and Thomas M. Scanlon (Otsuka, 2003, pp. 4–5).

⁴ Libertarians might even argue that self-ownership is necessary to make Kantianism more persuasive. After all, some versions of the self-ownership principle exclude the possibility of owning another person.

мопринадлежность на основании одного только ее отвержения самим Кантом. Мы также не будем воспроизводить детально всю кантовскую доктрину права, сосредоточившись на самом кантианском аргументе в пользу самопринадлежности и его критике.

Но прежде чем перейти к кантианскому аргументу, нам нужно прояснить, что либертарианцы подразумевают под «самопринадлежностью». Особенно влиятельную формулировку самопринадлежности предложили Питер Валлентайн, Гиллель Штайнер и Майкл Оцука. Они определяют самопринадлежность как максимально широкий набор прав собственности, которые каждый человек может иметь на самого себя и свое тело, совместимый с аналогичными наборами прав для всех остальных людей. Этот набор включает следующие права: (1) права контролировать свое тело, (2) права на компенсацию за несогласованное использование тела, (3) права принудительного исполнения в отношении первых двух прав, (4) права на передачу этих прав кому-то другому и (5) иммунитет к несогласованной утрате какого-либо из этих прав (Vallentyne et al., 2005, p. 203–204).

Валлентайн, Штайнер и Оцука также называют эту версию самопринадлежности «полной», поскольку она включает наиболее обширный перечень прав, которые кто-либо может иметь на свое собственное тело. При последовательном применении этот принцип имеет довольно радикальные следствия. Во-первых, поскольку этот набор прав включает право на передачу, то это разрешает людям продавать самих себя в «добровольное рабство» (*Ibid.*, p. 208; Steiner, 1994, p. 232–234; Block, 2003; Otsuka, 2003, p. 122–123; Kershner, 2003; Frederick, 2014; Нозик, 2020, с. 403). Во-вторых, согласно этому принципу, у людей нет никаких позитивных обязательств помогать другим, даже когда другие отчаянно нуждаются в помощи и эта помощь ничего не стоит самому помогающему (Mack, 2010, p. 62; Narveson, 2013, p. 382; Нозик, 2020, с. 288). В-третьих, это запрещает принудительное налогообложение любых доходов, заработанных чело-

rejection. We also will not recapitulate Kant's entire doctrine of right in detail, focusing instead on the Kantian argument for self-ownership specifically, and its critique.

But before we move on to the Kantian argument, we need to clarify what libertarians mean by “self-ownership”. A particularly influential formulation of self-ownership has been offered by Peter Vallentyne, Hillel Steiner, and Michael Otsuka. They define self-ownership as the broadest possible set of property rights that a person can have over herself and her body that is compatible with similar sets of rights for all other persons. They include in this set the following rights: (1) rights to control one's body, (2) rights to compensation for nonconsensual use of the body, (3) enforcement rights over the first two rights, (4) rights to transfer these rights to someone else, and (5) immunity from nonconsensual loss of any of these rights (Vallentyne et al., 2005, pp. 203–204).

Vallentyne, Steiner, and Otsuka also call this version of self-ownership “full,” because it includes the most extensive set of rights anyone can have over her own body. When applied consistently, this principle has quite radical consequences. First, because this set of rights includes the right to transfer, it permits people to sell themselves into “voluntary slavery” (*ibid.*, p. 208; Nozick, 1974, p. 331; Steiner, 1994, pp. 232–234; Block, 2003; Otsuka, 2003, pp. 122–123; Kershner, 2003; Frederick, 2014). Second, according to this principle, people have no positive obligations to help others, even when others are in desperate need of help, and when such help would be of no cost to the helper (Nozick, 1974, p. 348; Narveson, 2013, p. 382; Mack, 2010, p. 62). Third, it prohibits forced taxation of any income earned by human labour (Nozick, 1974, p. 169; Feser,

веческим трудом (Нозик, 2020, с. 216; Feser, 2000). В-четвертых, это запрещает даже незначительные патерналистские вмешательства и ограничения, даже когда они необходимы, чтобы спасти человеческую жизнь (Нозик, 2020, с. 58). Как утверждают сторонники полной самопринадлежности, мы должны принять эти континтуитивные выводы, потому что они следуют из признания каждого человека целью самой по себе (Морозов, 2025, с. 79).

Однако даже среди либертиарцев не все приняли столь радикальную трактовку самопринадлежности. Некоторые авторы постарались ослабить ее континтуитивные следствия, приняв более умеренное прочтение этого принципа. Многие из них утверждали, что самопринадлежность является *неотчуждаемой*, а потому не допускает даже добровольную продажу самого себя в рабство (Grunebaum, 2000; Ellerman, 2010; Olsthoorn, 2019; Ротбард, 2019). Другие включили в самопринадлежность притязание против лишения возможностей самостоятельно использовать свое тело (Mack, 1995; Feser, 2005; Russell, 2010). Некоторые также переформулировали самопринадлежность, чтобы сделать ее *чувствительной к обязательствам* (Bryan, 2019; Cudd, 2019; Spafford, 2022). Еще несколько авторов приняли *самопринадлежность контроля*, которая наделяет людей правом распоряжаться своим телом, но не доходом от использования собственного труда (Christman, 1994; Van Parijs, 1997; Taylor, 2005; Widerquist, 2013). Наконец, немногие из сторонников самопринадлежности даже допустили мягкие формы патернализма, когда они осуществляются путем *подталкивания* человека к нужному выбору, а не через вмешательства или ограничения (Sunstein, Thaler, 2003).

Может остаться неясным, что отличает такую ослабленную самопринадлежность от общей либеральной концепции базовых прав. Джонатан Куонг поясняет, что корневая идея самопринадлежности — это ее радикальный антипатернализм (Quong, 2011, р. 87). Либеральная концепция базовых прав защищает лишь ограниченный набор прав на собствен-

2000). Fourth, it prohibits even minor paternalistic interventions and restrictions, even when they are necessary to saving human life (Nozick, 1974, p. 34). As proponents of full self-ownership argue, we must accept these counterintuitive conclusions because they follow from recognizing each person as an end in herself (Morozov, 2025, p. 79).

However, even among libertarians, not all have embraced this radical understanding of self-ownership. Some authors have sought to weaken its counterintuitive implications by adopting a more moderate reading of the principle. Many have argued that self-ownership is *inalienable*, and therefore does not allow even the voluntary sale of one-self into slavery (Grunebaum, 2000; Ellerman, 2010; Rothbard, 2016; Olsthoorn, 2019). Others have incorporated a claim against the deprivation of the independent use of one's body into self-ownership (Mack, 1995; Feser, 2005; Russell, 2010). Some have also reformulated self-ownership to make it *duty-sensitive* (Bryan, 2019; Cudd, 2019; Spafford, 2022). A few others have adopted a *control self-ownership* that grants people control over their bodies but not over the income from their own labour (Christman, 1994; Van Parijs, 1997; Taylor, 2005; Widerquist, 2013). Finally, some self-ownership proponents even allow for soft forms of paternalism, when these are implemented by *nudging* a person toward the desired choice rather than through interventions or restrictions (Sunstein and Thaler, 2003).

It may remain unclear what distinguishes such a weakened self-ownership from the general liberal conception of basic rights. Jonathan Quong explains that the core idea of self-ownership is its radical anti-paternalism (Quong, 2011, p. 87). The liberal conception of basic rights protects only a limited set of

ное тело, которые необходимы для реализации частных концепций блага и публичной концепции справедливости (Rawls, 1996, p. 308; cf.: Brennan, 2020). Признание остальных прав зависит от коллективного волеизъявления через демократические процедуры и институты. Самопринадлежность же даже в своей слабой форме обеспечивает сильную защиту в том числе для прав на саморазрушительное поведение. В частности, даже умеренные версии самопринадлежности наделяют людей правом употреблять наркотики и оказывать сексуальные услуги за деньги, тем самым запрещая деятельность государства по ограничению подобных действий (Wendt, 2022, p. 595).

Таким образом, кантианское обоснование самопринадлежности должно установить не просто какой-то набор прав на свободу и телесную неприкосновенность, но также очень строгое притязание против патернализма. В этом проявляется собственнический аспект самопринадлежности: человеческое тело рассматривается как физический ресурс, с которым его владелец может обращаться любым способом, портя или расходя его, если посчитает нужным. Этот акцент на антипатерналистских аспектах самопринадлежности позволяет нам отсеять наименее правдоподобные и явно несовместимые с кантианством трактовки этого принципа.

Кантианское обоснование самопринадлежности

Многие критики Нозика подмечали тот факт, что он никак не детализирует свой кантианский аргумент в пользу самопринадлежности. Скорее, он просто утверждает, что формулировка человечности оправдывает строгие деонтические ограничения на то, как допустимо обращаться с другими личностями, а затем утверждает, что эти ограничения должны пониматься как либертарианские. Из-за этого часто утверждается, что либертарианство Нозика лишено оснований (Nagel, 1975).

rights over one's own body – those necessary for the realization of private conceptions of the good and the public conception of justice (Rawls, 1996, p. 308; cf. Brennan, 2020). Recognition of other rights depends on the collective expression of the will through democratic procedures and institutions. Self-ownership, even in its weak form, provides strong protection, including for the rights to self-destructive behaviour. In particular, even moderate versions of self-ownership grant people the right to use drugs and sell sex, thereby prohibiting state action to restrict such behaviour (Wendt, 2022, p. 595).

A Kantian justification for self-ownership must therefore establish not just some set of rights to liberty and bodily integrity, but also a very strong claim against paternalism. This is where the proprietarian aspect of self-ownership comes into play: the human body is treated as a physical resource that its owner can treat in any way she chooses, damaging or expending it as she sees fit. This emphasis on the anti-paternalistic aspects of self-ownership allows us to weed out those interpretations of the principle that are less plausible and obviously incompatible with Kantianism.

Kantian Justification of Self-Ownership

Many of Nozick's critics have noted that he does not elaborate on his Kantian argument for self-ownership. Rather, he simply claims that the humanity formulation justifies strict deontic constraints on how it is permissible to treat other persons, and then argues that these constraints should be understood as libertarian. Because of this, it is often claimed that Nozick's libertarianism lacks foundations (Nagel, 1975).

Более благосклонно настроенные к Нозику авторы, однако, попытались реконструировать его линию аргументации (Taylor, 2004; Zwolinski, 2008; Mack, 2016). Как кажется, основная идея Нозика состоит в том, что каждая человеческая личность обладает рациональной агентностью и в силу этого наделена внутренней (неинструментальной) ценностью⁵. Этот аргумент можно понимать двояко. С одной стороны, его можно прочесть как интуиционистское утверждение, что обладание всяким человеком внутренней ценностью — это самоочевидная моральная истина⁶. С другой стороны, его можно понимать как трансцендентальный аргумент в духе Кристин Корсгаард. С этой точки зрения рациональная агентность (или человечность) является необходимым предварительным условием того, чтобы мы были способны ценить что-либо. Поэтому, если мы ценим себя и собственные жизненные цели, мы также должны безусловно ценить человечность в себе и других (Korsgaard, 1996, p. 121–123; Korsgaard, 1998, p. 60–62).

Вне зависимости от того, какую из двух версий аргумента мы используем, он устанавливает, что у нас есть рациональное обязательство признавать внутреннюю ценность людей и их человечности. Поскольку каждый из нас в равной мере обладает человечностью, каждый заслуживает, чтобы к нему относились с подобающим уважением и не рассматривали исключительно как средство или инструмент, как того требует формулировка человечности. Этот факт также объясняет то, что Дэвид Бринк называет «моральной симметрией формулировки человечности»: эта формулировка запрещает инструментализировать не только чужую человечность, но и свою собственную (Brink, 2019, p. 13)⁷.

⁵ Обладание внутренней ценностью в данном случае также можно понимать как обладание человеческим достоинством (см.: Артемьева, 2024).

⁶ Роберт Ауди и Дитер Шёнеккер предложили интуиционистское прочтение этики Канта (Audi, 2004; Schönecker, 2013; ср.: Повечерова, 2024). Йохен Бояновский оспаривает эту трактовку (Bojanowski, 2017).

⁷ Поскольку Нозик признаёт право на добровольное самопорабощение, он, как кажется, отрицает эту симметрию и рассматривает только инструментализацию другого как запрещенную. Я не вижу хороших аргументов в пользу асимметричного рассмотрения внутренней ценности человечности, а потому буду исходить из того, что Нозик, очевидно, ошибался в этом.

More sympathetic authors have, however, attempted to reconstruct his line of argument (Taylor, 2004; Zwolinski, 2008; Mack, 2016). Nozick's central idea seems to be that every human person has rational agency and is therefore endowed with intrinsic (non-instrumental) value.⁵ This argument can be understood in two ways. On the one hand, it can be read as an intuitionist claim that it is a self-evident moral truth that every human being has intrinsic value.⁶ On the other hand, it can be read as a transcendental argument in the spirit of Christine Korsgaard. On this view, rational agency (or *humanity*) is a necessary precondition for our being able to value anything. Therefore, if we value ourselves and our own ends in life, we must also unconditionally value the humanity in ourselves and others (Korsgaard, 1996, pp. 121–123; 1998, pp. 60–62).

Regardless of which of the two versions of the argument we employ, it establishes that we have a rational obligation to recognize the intrinsic value of persons and their humanity. Since each of us equally possesses humanity, each of us deserves to be treated with due respect and not merely as a means or instrument, as the humanity formulation requires. This fact also explains what David Brink calls the “moral symmetry of the Humanity formula”: it prohibits instrumentalizing not only others' humanity, but also our own (Brink, 2019, p. 13).⁷

⁵ Holding of intrinsic value in this case can also be understood as holding of human dignity (cf. Artemyeva, 2024).

⁶ Robert Audi (2004) and Dieter Schönecker (2013) have proposed an intuitionist reading of Kant's ethics (cf. Povetcherova, 2024). Jochen Bojanowski (2017) challenges this interpretation.

⁷ Since Nozick acknowledges the right to voluntary self-enslavement, he seems to deny this symmetry and regards only the instrumentalization of the other as forbidden. I see no good argument for an asymmetric account of the intrinsic value of humanity, and so I will proceed on the assumption that Nozick is clearly wrong about this.

Этот запрет инструментализации позволяет сформулировать *негативный* кантианский довод в защиту самопринадлежности. Согласно ему, ни одно лицо не должно использоватьсь как простое средство для достижения чужих целей. Рабство, то есть собственность на другого человека, является парадигмальным примером такого использования человека в качестве простого ресурса или инструмента. Соответственно, раз никто не должен подвергаться инструментализирующему обращению, никто не должен рассматриваться как собственность другого лица или группы лиц.

Однако сам по себе этот негативный довод не может обосновать самопринадлежность без дополнительного *позитивного* довода. Ведь из того, что люди не должны принадлежать другим, еще не следует, что они должны принадлежать самим себе. Поэтому кантианское обоснование самопринадлежности нуждается еще в одном утверждении. Поскольку рациональная агентность ценна, люди должны иметь фактическую возможность проявлять свою агентность. Люди делают это, когда самостоятельно выбирают собственные цели и средства их достижения. И для того, чтобы осуществлять подобную агентность, людям необходимо право единолично распоряжаться своим телом. То есть для осуществления рациональной агентности людям нужна самопринадлежность (Морозов, 2024а, с. 91)⁸.

Просуммируем этот аргумент. Сначала Ноэзик утверждает, что рациональная агентность обладает внутренней ценностью, и поскольку каждый человек обладает этой агентностью, то

⁸ Тейлор утверждает, что самопринадлежность необходима людям для обладания как личной, так и моральной автономией (Taylor, 2004, p. 75). Личная автономия проявляется в способности людей выбирать собственные цели и средства их достижения. Моральная автономия проявляется в способности людей самостоятельно устанавливать для себя нравственный закон с помощью разума. Как предполагает Тейлор, чтобы использовать свой разум, люди должны владеть им, а потому самозаконодательство требует самопринадлежности.

This prohibition of instrumentalization allows us to formulate the *negative* Kantian argument for self-ownership. According to it, no person should be used as a mere means to another's ends. Slavery – that is, the ownership of another person – is a paradigmatic example of such use of a person as a mere resource or instrument. Accordingly, since no one should be subject to instrumentalizing treatment, no one should be treated as the property of another person or group of persons.

This negative argument, however, cannot by itself justify self-ownership without an additional *positive* argument. For the fact that people should not belong to others does not mean that they should belong to themselves. Therefore, the Kantian justification for self-ownership requires another assertion. Since rational agency is valuable, people must have the actual opportunity to exercise their agency. People do this when they independently choose their own ends and the means to achieve them. And in order to exercise such agency, people need the right to dispose of their own bodies. That is, in order to exercise rational agency, people need self-ownership (Morozov, 2024a, p. 91).⁸

Let's summarize this argument. Nozick first argues that rational agency has intrinsic value, and since each person has this agency, each person is also a bearer of intrinsic value. Proper respect for this value is incompatible with an instrumental attitude toward its bearers.

⁸ Taylor (2004, p. 75) argues that self-ownership is necessary for people to have *both* personal and moral autonomy. Personal autonomy is manifested in people's ability to choose their own ends and the means to achieve them. Moral autonomy is manifested in people's ability to establish moral law for themselves using reason. As Taylor suggests, in order to use their reason, people must own it, and so self-legislation requires self-ownership.

каждый человек также является носителем внутренней ценности. Надлежащее уважение к этой ценности несовместимо с инструментальным отношением к ее носителям. Поэтому к каждому человеку надлежит относиться в том числе как к цели самой по себе, как того требует вторая формулировка категорического императива. Для этого необходимо, чтобы каждый человек обладал правом собственности на самого себя и свое тело. Таким образом, категорический императив оправдывает самопринадлежность.

Самопринадлежность и тождество личности

Как можно заметить, самопринадлежность часто понимается двусмысленно: как владение собственным телом и как владение собственной личностью. Это ставит сторонников самопринадлежности перед вопросом: как соотносятся между собой тело и личность? Некоторые авторы действительно отмечали, что концепция самопринадлежности зависит от теории тождества личности, с которой она сочетается (Feser, 2005; Russell, 2010; Carter, 2019; Cudd, 2019)⁹. Для целей нашей аргументации мы можем разделить все подходы к тождеству личности на две группы: интерналистские и экстерналистские. Теории первой группы признают, что тело является чем-то внутренним по отношению к нашей личности, тогда как теории второй группы рассматривают тело как внешнее по отношению к личности.

Наиболее ярким примером интерналистской теории является анимализм, согласно которому личность — это живой организм, то есть личность строго *тождественна* телу (Olson, 1999). Самой обсуждаемой версией экстерналистского подхода является субстанциальный дуализм, в отдельных своих формах утверждающий, что личность — это обособленная от тела ментальная субстанция¹⁰, которая может сохраняться даже при полном уничтожении тела (Swinburne, 2013).

⁹ Обзор современных теорий тождества личности см.: (Логинов и др., 2018).

¹⁰ Дуалисты могут предпочитать различные слова для обозначения ментальной субстанции: сознание, разум, душа, дух, самость, субъект и т.д.

Therefore, each person must be treated also as an end in herself, as required by the second formulation of the categorical imperative. This requires that each person have ownership of herself and her body. The categorical imperative thus justifies self-ownership.

Self-Ownership and Personal Identity

As can be seen, self-ownership is often understood ambiguously: as the ownership of one's own body and as the ownership of one's own person. This raises a question for proponents of self-ownership: what is the relationship between the person and her body? Some authors have indeed noted that the concept of self-ownership depends on the theory of personal identity with which it is combined (Feser, 2005; Russell, 2010; Carter, 2019; Cudd, 2019).⁹ For the purposes of our argument, we can divide all approaches to personal identity into two groups: internalist and externalist. Theories of the first group recognize that the body is something internal to our person, while theories of the second group regard the body as external to the person.

The most striking example of an internalist theory is animalism, according to which the person is a living organism — that is, the person is strictly *identical* to the body (Olson, 1997). The most widely discussed version of the externalist approach is substance dualism, some forms of which hold that the person is a mental substance¹⁰ that is separate from the

⁹ For a review of modern theories of personal identity, see Loginov et al. (2018).

¹⁰ Dualists may prefer different terms for denoting mental substance: consciousness, mind, soul, spirit, self, subject, etc.

При этом неверно было бы сказать, что интернализм равнозначен монизму, а экстернализм — дуализму. Дуалист, в том числе субстанциальный, может быть интерналистом. Например, композитные дуалисты считают, что личность включает в себя как тело, так и ментальную субстанцию. Хотя обе субстанции онтологически различны и могут существовать отдельно, личность образуется только при их взаимодействии. Монист также может быть экстерналистом. Например, идеалисты считают, что весь мир является чисто ментальным или духовным. С этой точки зрения тело не является частью личности, потому что само существование физического тела — это своего рода иллюзия, тогда как в реальности существует только чисто ментальный опыт или бестелесная душа. Соответственно, различие между интерналистами и экстерналистами касается только вопроса о том, является ли тело по крайней мере частью личности.

Некоторые сторонники принципа самопринадлежности являются интерналистами (Carter, 2019). С их точки зрения, тело либо тождественно личности, либо является ее частью. Они однозначно отвергают кантовское утверждение, что владение собственностью представляет собой существенно нерефлексивное отношение (иными словами, что нельзя иметь это отношение к самому себе). Само выражение «самопринадлежность», или «собственность на себя», понимается интерналистами буквально: люди владеют своей личностью как собственностью, и поскольку тело равно личности или является ее компонентом, то владение личностью подразумевает владение телом.

Некоторые сторонники принципа самопринадлежности также являются экстерналистами (Wheeler, 1980; Russell, 2010). С их точки зрения, тело — это внешний по отношению к личности физический объект, которым можно владеть так же, как и любым другим внешним объектом. Экстерналисты, таким образом, принимают утверждение Канта о том, что владение собственностью является нерефлексивным отношением. Ввиду этого само слово «самопри-

body, and which can persist even if the body is completely destroyed (Swinburne, 2013).

It would be incorrect to say, however, that internalism is equivalent to monism and externalism is equivalent to dualism. A dualist, including a substance dualist, can be an internalist. For example, composite dualists believe that a person includes *both* a body and a mental substance. Although both substances are ontologically distinct and can exist separately, a person is formed only through their interaction. A monist can also be an externalist. For example, idealists believe that the entire world is purely mental or spiritual. On this view, the body is not part of the person because the very existence of a physical body is a kind of illusion, while in reality only purely mental experience or a disembodied soul exists. Accordingly, the difference between internalists and externalists concerns only the question of whether the body is at least part of the person.

Some proponents of self-ownership are internalists (Carter, 2019). On their view, the body is either identical to the person or is a part of the person. They explicitly reject Kant's claim that ownership of property is an essentially non-reflexive relation (in other words, that one cannot have this relation to oneself). The term "self-ownership" is taken literally by internalists: people own their persons as property, and since the body is equal to or a component of the person, ownership of the person implies ownership of the body.

Other proponents of self-ownership are externalists (Wheeler, 1980; Russell, 2010). In their view, the body is a physical object external to the person which can be owned like any other external object. Externalists thus accept Kant's claim that property ownership is a

надлежность» понимается экстерналистами метафорически: в самом строгом смысле личность владеет не собой, а внешним по отношению к ней телом.

Либертиарцы-экстерналисты могут считать достоинством своей теории то, что она, как кажется, близка к идеям самого Канта. Так, Кант рассматривал человеческую природу дуалистически. В ней присутствует и феноменальный компонент, связанный с физическим телом, и ноумenalный компонент, связанный с разумом и нравственным законом (Гаджикурбанов, 2023, с. 12–16). Интерналисты из числа композитных дуалистов могут сказать в свою защиту, что этот двойственный взгляд на человеческую природу совместим и с их взглядами тоже. Интерналисты же из числа редуктивных физикалистов могут признать, что их позиция отличается от кантовской, но при этом не считать это расхождение недостатком своей теории. Например, они могут симпатизировать идеи натурализации кантовской этики, которая предполагает отказ от метафизических аспектов кантовской теории при сохранении ее этического содержания (Китчер, 2022)¹¹.

Кантианская дилемма для либертиарцев

На этом этапе мы можем сформулировать дилемму, которая подрывает попытки обосновать самопринадлежность опорой на категорический императив. Как мы увидели, либертиарцы могут выбрать один из двух взглядов на соотношение тела и личности: интерналистский и экстерналистский. Оба варианта блокируют выведение самопринадлежности из категорического императива. Рассмотрим их по порядку.

Допустим, кантианский либертиарец выбирает интернализм. В таком случае самопри-

non-reflexive relation. Accordingly, the word “self-ownership” is understood by externalists metaphorically: in the strictest sense, the person does not own herself, but a body external to her.

Libertarian externalists may consider it an advantage of their theory that it seems close to Kant's own ideas. For example, Kant views human nature dualistically. It contains both a phenomenal component associated with the physical body and a noumenal component associated with reason and the moral law (Gadzhikurbanov, 2023, pp. 12-16). Internalists who are composite dualists may defend themselves by saying that this dual view of human nature is compatible with theirs as well. Internalists who are reductive physicalists may acknowledge that their position differs from Kant's, but not regard this difference as a shortcoming of their theory. For example, they may be sympathetic to the idea of naturalizing Kantian ethics, which would involve abandoning the metaphysical aspects of Kant's theory while retaining its ethical content (Kitcher, 2022).¹¹

The Kantian Dilemma for Libertarians

At this point, we can formulate a dilemma that undermines attempts to ground self-ownership in the categorical imperative. As we have seen, libertarians can choose between two views of the relation between body and person: internalist and externalist. Both options block the derivation of self-ownership from the categorical imperative. Let's consider them in turn.

Suppose a Kantian libertarian chooses internalism. In this case, self-ownership is incom-

¹¹ О кантианских взглядах на проблему тождества личности также см.: (Korsgaard, 1989).

¹¹ For Kantian views on the problem of personal identity, see also Korsgaard (1989).

надлежность несовместима с категорическим императивом, потому что предполагает самоинструментализацию. Ведь самопринадлежность предполагает отношение к своему телу как к инструменту, который может быть использован любым способом, кажущимся подходящим его владельцу. И если тело является частью личности, то такое инструментальное отношение к своему телу также предполагает инструментальное отношение к своей личности. Однако категорический императив запрещает инструментальное отношение не только к другому, но и к самому себе, поскольку каждый обладает равной внутренней ценностью.

На это можно возразить, что формулировка человечности вовсе не запрещает инструментализацию полностью. К другому можно относиться как к средству, если к нему при этом также относятся как к цели. Если формулировка человечности должна использоваться симметрично по отношению к себе и к другому, то она также должна позволять самоинструментализацию, когда она сочетается с признанием человечности как цели. Но тогда нам нужно выяснить, что в данном случае означает отношение к самому себе как к цели и совместимо ли такое отношение с самопринадлежностью.

Нозик предполагал, что человек обращается с другим как с просто средством лишь в том случае, если нарушает какие-либо деонтические ограничения против него *без его согласия* (Нозик, 2020, с. 54). Если Нозик прав в этом, то самоинструментализация невозможна, потому что против самого себя нельзя совершить какое-либо действие без своего согласия. Само совершение этого действия подразумевает согласие¹². Однако трактовка Нозиком инструментализации как действия без согласия явно неправдоподобна (ср.: Кан, 2024, с. 114).

¹² Можно возразить, что совершить действие против себя без своего согласия можно либо по принуждению, либо в результате утраты самоконтроля (например, в тяжёлом психозе). Однако я предполагаю, что в таких ситуациях либо нельзя сказать, что человек является субъектом собственного действия, либо нельзя вменять ему ответственность за эти действия.

patible with the categorical imperative because it presupposes self-instrumentalization. For self-ownership presupposes treating one's body as an instrument that can be used in any way that the owner deems appropriate. And if the body is part of the person, then such an instrumental attitude toward one's body also presupposes an instrumental attitude toward one's person. However, the categorical imperative prohibits an instrumental attitude not only toward another, but also toward oneself, since everyone has equal intrinsic value.

It may be objected that the formulation of humanity does not prohibit instrumentalization entirely. One can treat another as a means if one also treats her as an end. If the formulation of humanity is to be used symmetricaly with respect to oneself and another, then it must also allow self-instrumentalization when it is combined with the recognition of oneself as an end. But then we need to clarify what treating oneself as an end means in this case and whether such an attitude is compatible with self-ownership.

Nozick assumed that one treats another as a mere means only if one violates some deontic constraint against her *without her consent* (Nozick, 1974, pp. 30-31). If Nozick is right about this, then self-instrumentalization is impossible, because one cannot perform any action against oneself without one's consent. The very performance of this action implies consent.¹² However, Nozick's interpretation of instrumentalization as pertaining only to non-consensual activity is clearly implausible (*cf.* Kahn, 2023, p. 491).

¹² One might argue that committing an act against oneself without one's consent is possible, either under coercion or as a result of a loss of self-control (for example, in severe psychosis). However, I suggest that in such situations either one cannot say that the person is the author of her own actions, or one cannot hold the person responsible for her actions.

Представим двух человек, Марка и Матвея. Марк — менеджер в компании, куда Матвей нанимается на работу. Ко всем потенциальным работникам Марк относится чисто инструментально, рассматривая их просто как средства для максимизации прибыли. Поэтому, пытаясь сэкономить на оплате труда молодых сотрудников, Марк предлагает соискателям без опыта работы заработную плату значительно ниже рыночной. И поскольку Матвей слишком молод и незнаком с актуальными реалиями на рынке труда, он соглашается на эту заработную плату. Марк, очевидно, относится к Матвею как простому инструменту и не проявляет должного уважения. Тот факт, что Матвей добровольно согласился на эту заработную плату, никак не умаляет несправедливости действий Марка и их инструментализирующего характера.

На это можно ответить, что согласие Матвея не является действительным, потому что оно не было информированным. Но представим тогда, что Матвей знает о рыночной стоимости своего труда, однако продолжает работать на Марка просто потому, что у него низкая самооценка и он чувствует себя недостойным большего. Хотя согласие Матвея в этом случае является информированным, действия Марка по-прежнему остаются неуважительными и инструментализирующими. При этом не только Марк в этой ситуации недостаточно уважает Матвея, но и сам Матвей проявляет недостаточное самоуважение (ср.: Морозов, 2024б, с. 38–39).

Таким образом, инструментализацию нельзя определить через отсутствие согласия, даже если часто одно сопутствует другому. Более перспективная трактовка формулировки человечности состоит в том, что своими действиями мы должны содействовать целям, как своим, так и чужим (АА 04, С. 430; Кант, 1994б, с. 207; Saunders et al., 2024). Разумно предполагать, что категорический императив велит содействовать не просто любым частным целям, а *конечным* целям. Кант обсуждает две основные такого рода цели: счастье и совершенство (Wood,

Imagine two people, Mark and Matthew. Mark is a manager at the company where Matthew is applying for a job. Mark treats all potential employees purely instrumentally, viewing them simply as means for maximizing profits. Therefore, in an attempt to save on the wages of young employees, Mark offers applicants with no work experience a salary significantly below the market rate. And since Matthew is too young and unfamiliar with the current realities of the labour market, he agrees to this salary. Mark obviously treats Matthew as a mere instrument and does not show him due respect. The fact that Matthew voluntarily agrees to this salary in no way diminishes the unfairness of Mark's actions and their instrumentalizing nature.

To this, one might respond that Matthew's consent is not valid because it is uninformed. But imagine that Matthew knows the market value of his labour, but continues to work for Mark simply because he has low self-esteem and feels unworthy of more. Although Matthew's consent in this case is informed, Mark's actions are still disrespectful and instrumentalizing. Not only does Mark insufficiently respect Matthew in this situation, but Matthew himself also shows insufficient self-respect (cf. Morozov, 2024b, pp. 38-39).

Thus, instrumentalization cannot be defined by the absence of consent, even if one often accompanies the other. A more promising interpretation of the formulation of humanity is that we must promote ends, both our own and others', through our actions (GMS, AA 04, p. 430; Kant, 2002, p. 48; Saunders et al., 2024). It is reasonable to assume that the categorical imperative commands the promotion of not just any ends, but *ultimate* ends. Kant discusses two main ultimate ends: happiness and perfection (Wood, 2006, p. 70). In this matter, he recognizes a certain asymmetry between the attitude towards oneself and the attitude to-

2006, p. 70). В этом вопросе он признаёт определенную асимметрию между отношением к себе и отношением к другому. По Канту, у каждого есть обязательство содействовать счастью других, но не своему собственному. Однако у каждого есть обязательство содействовать собственному совершенству, но не совершенству других.

На первый взгляд, здесь кантовская позиция совместима с самопринадлежностью. Поскольку у людей нет обязанности содействовать собственному счастью, они имеют право вредить самим себе, пока они стремятся к нравственному совершенству, которое требует от них уважать права других. При этом Кант отвергает обязанность содействовать совершенству других, потому что для нравственного совершенства люди должны иметь как моральную, так и личную автономию. Самопринадлежность, как обсуждалось выше, может рассматриваться как необходимое условие обоих видов автономии. При этом самопринадлежность в принципе может быть чувствительной к обязательствам, а потому не исключает обязанность содействовать счастью других.

Однако в действительности эта совместимость обманчива. Во-первых, сам Кант считает, что обязанность содействовать собственному совершенству касается не только нравственного совершенства, но и реализации своего потенциала (природное совершенство) (AA 06, S. 444; Кант, 1994а, с. 489). Это запрещает людям совершать с самими собой действия, которые препятствуют подобной самореализации, что несовместимо с самопринадлежностью.

Во-вторых, у нас есть хорошие основания отвергать кантовскую позицию по поводу обязанности содействовать собственному счастью на собственных кантианских основаниях. Кант вовсе не предполагал, что люди имеют право подрывать собственное счастье. Напротив, он просто считал, что все люди неизбежно стремятся к собственному счастью во всех своих действиях, а потому это не может быть для них обязанностью. Но, как кажется, Кант

wards others. According to Kant, everyone has a duty to promote the happiness of others, but not her own. Conversely, everyone has a duty to promote her own perfection, but not the perfection of others.

At first glance, Kant's view here is compatible with self-ownership. Since people have no duty to promote their own happiness, they are justified in harming themselves as long as they strive for moral perfection, which requires them to respect the rights of others. However, Kant rejects the duty to promote the perfection of others because moral perfection requires people to have both moral and personal autonomy. Self-ownership, as discussed above, can be viewed as a necessary condition for both types of autonomy. At the same time, self-ownership can in principle be duty-sensitive, and therefore does not exclude the duty to promote the happiness of others.

However, in reality, this compatibility is deceptive. First, Kant himself believes that the duty to promote one's own perfection concerns not only moral perfection, but also the realization of one's potential (natural perfection) (MS TL, AA 06, p. 444; Kant, 1991, p. 239). This prohibits people from doing things to themselves that hinder such self-realization, which is incompatible with self-ownership.

Second, we have good reason to reject Kant's position on the duty to promote one's own happiness on its own, Kantian grounds. Kant did not suggest that people have a right to undermine their own happiness. On the contrary, he simply thought that all people inevitably strive for their own happiness in everything they do, and so it cannot be a duty for them to do so. But Kant seems to have been mistaken about the inevitability of such striving. Some people, like Matthew in the example above, do not strive for happiness due to low self-esteem. Other people suffer from depression, weakness of will, and addictions. Finally,

заблуждался в неизбежности подобного стремления. Некоторые люди, подобно Матвею из примера выше, не стремятся к счастью из-за низкой самооценки. Другие люди страдают от депрессии, слабости воли и болезненных зависимостей. В конце концов, некоторые люди просто заблуждаются по поводу того, в чем состоит счастье¹³. Такие люди могут не совершать действий, которые способствуют их счастью, но если они обязаны стремиться к счастью других в силу присущей им внутренней ценности, то они также обязаны стремиться к своему собственному счастью (Kahn, 2022)¹⁴.

Если категорический императив налагает на людей обязанность содействовать собственному счастью, то он несовместим с само-принадлежностью. Ведь тогда категорический императив требует не совершать действий, которые подорвут собственное счастье, тем самым налагая на наши действия определенные «патерналистские» ограничения. На этом основании категорический императив может запретить, например, употребление наркотиков и проституцию, возможно, даже налагая на государство обязанность препятствовать подобным действиям. Это явно несовместимо с само-принадлежностью.

¹³ Даже если никакое точное знание о собственном счастье, с точки зрения Канта, невозможно, — это не имеет значения, и у нас нет оснований соглашаться с этим (см.: Arneson, 1999). Однако Кант в действительности был согласен с тем, что люди могут допускать ошибки по поводу содержания своего счастья. Счастье, согласно Канту, состоит в полном удовлетворении всех склонностей, однако иногда люди могут следовать отдельной склонности, подрывая свои возможности удовлетворения иных склонностей и, соответственно, лишая самих себя счастья (см.: AA 04, S. 399; Кант, 1994б, 168; см.: AA 27, S. 1324; Кант, 2016б, с. 56).

¹⁴ Бринк предлагает другой аргумент в пользу подобной обязанности. Как он утверждает, у людей есть сильная склонность заботиться о своих детях, однако у людей есть также и моральное обязательство делать это. Даже если бы эта склонность была столь сильной, что все люди при любых обстоятельствах всегда заботились бы о своих детях, они все равно также были бы обязаны делать это. Аналогично, даже если у людей есть сильная склонность стремиться к собственному счастью, это не значит, что у них нет обязанности делать это (Brink, 2019, p. 12).

some people are simply mistaken about what happiness consists in.¹³ Such people may not take actions that promote their own happiness; but if they are obligated to strive for the happiness of others by virtue of their intrinsic value, then they are also obligated to strive for their own happiness (Kahn, 2022).¹⁴

If the categorical imperative imposes a duty on people to promote their own happiness, then it is incompatible with self-ownership. For then the categorical imperative requires us not to act in ways that undermine our own happiness, thereby imposing certain “paternalistic” constraints on our actions. On this basis, the categorical imperative might prohibit, for example, drug use and sex work, perhaps even imposing a duty on the state to prevent such actions. This is clearly incompatible with self-ownership.

One might object to this that, according to Kant, the value of happiness is not independent, but conditional and dependent on moral virtue (V-NR/Feyerabend, AA 27, p. 1321; Kant, 2016, p. 84; Bader, 2015). Therefore, we cannot have a separate duty to promote our own hap-

¹³ Even if no precise knowledge of one's own happiness is possible, according to Kant, this does not matter, and we have no reason to agree with this (cf. Arneson, 1999). However, Kant actually agreed that people can make mistakes about the content of their happiness. Happiness, according to Kant, consists in the complete satisfaction of all inclinations; but sometimes, in pursuing a particular inclination, people thereby undermine their own ability to satisfy other inclinations and, accordingly, deprive themselves of happiness (cf. GMS, AA 04, p. 399; Kant, 2002, p. 15; V-NR/Feyerabend, AA 27, p. 1324; Kant, 2016, p. 87).

¹⁴ Brink offers another argument for such a duty. As he argues, people have a strong inclination to care for their children, but they also have a moral duty to do so. Even if this inclination were so strong that all people always cared for their children under all circumstances, they would still have a duty to do so. Similarly, even if people have a strong inclination to pursue their own happiness, this does not mean that they do not also have a duty to do so (Brink, 2019, p. 12).

Против этого можно возразить, что, согласно Канту, ценность счастья не является самостоятельной, она условна и зависит от нравственной добродетели (АА 27, С. 1321; Кант, 2016а, с. 78; Bader, 2015). Поэтому у нас не может быть отдельной обязанности содействовать собственному счастью, мы можем лишь стремиться к нравственному совершенству, которое делает нас достойными счастья. Но это выражение, кажется, исходит из ложной посылки, что нечто может быть нашей обязанностью лишь в том случае, если обладает безусловной ценностью. Почтальон, например, несет особое обязательство доставить все письма в срок, но ценность исполнения этой обязанности не является безусловной. Она зависит, в частности, от того, соблюдает ли почтальон свои общие моральные обязанности перед другими людьми. Он не может угнать чужую машину или угрозами заставлять других помогать ему разносить письма. Тем не менее условная ценность исполнения этой обязанности не означает, что почтальон вообще не несет никакого особого обязательства перед получателями писем.

Точно так же ценность счастья зависит от того, заслуживаем ли мы его. Но этот условный характер ценности счастья не означает, что у нас вообще нет никаких обязательств перед самими собой содействовать своему благополучию. В крайнем случае мы можем переформулировать обсуждаемую обязанность как долг содействовать собственному счастью *в той мере, в которой мы его достойны*. Это все еще несовместимо с самопринадлежностью, потому что предполагает, что по крайней мере нравственно добродетельные люди не имеют права подрывать свое счастье.

Теперь допустим, что кантианский либертианец выбирает экстернализм. Поскольку он считает тело внешним ресурсом, его трактовка самопринадлежности сама по себе не предполагает самоинструментализацию. Однако в таком случае самопринадлежность просто не получится вывести из категорического императива. Кантианские либертианцы утверждают, что самопринадлежность связана с запретом на

piness; we can only strive for the moral perfection that makes us worthy of happiness. But this objection seems to rest on the false premise that something can only be our duty if it has unconditional value. A postman, for example, has a special obligation to deliver all letters on time, but the value of fulfilling this duty is not unconditional. It depends, in particular, on whether the postman fulfills his general moral duties to others. He cannot steal someone else's car or threaten others into helping him deliver letters. However, the conditional value of fulfilling this duty does not mean that the postman has no special duty to the recipients of the letters at all.

Likewise, the value of happiness depends on whether we deserve it. But this conditional nature of the value of happiness does not mean that we have no obligation to ourselves to promote our own well-being. At the very least, we can reformulate the duty in question as a duty to promote our own happiness *to the extent that we deserve it*. This is still incompatible with self-ownership because it presupposes that at least morally virtuous people have no right to undermine their own happiness.

Now suppose that a Kantian libertarian chooses externalism. Since it regards the body as an external resource, this account of self-ownership does not imply self-instrumentalization. However, in this case, self-ownership simply cannot be derived from the categorical imperative. Kantian libertarians argue that self-ownership is tied to the prohibition against instrumentalizing the persons of others. But unless the body is at least part of the person, any assault on the body is not an assault on the person. It is simply an assault on some external resource, and even if such assaults are morally problematic, it cannot be

инструментализацию личностей других людей. Но если тело не является по крайней мере частью личности, то любые посягательства на тело не будут посягательствами на личность. Это просто покушение на некоторый внешний ресурс, и пусть даже подобные покушения морально проблематичны, нельзя сказать, что их запрет *прямо* следует из запрета обращаться с другими людьми как инструментами.

Рассмотрим пример, который приводит Эрик Мак (Mack, 2006, p. 109). Представим Елену, опытную и хорошо подготовленную альпинистку, отправившуюся в горный поход. Вопреки всем синоптическим прогнозам, с которыми Елена предусмотрительно ознакомилась, во время ее похода начинается снежная буря, к которой Елена не была готова. Она рискует умереть на морозе, если не найдет себе укрытие. К своему счастью, Елена натыкается на запертый горный коттедж, принадлежащий какому-то миллионеру. У Елены нет других способов спасти свою жизнь, кроме как нарушив права собственности этого миллионера. И если Елена так сделает, то она, очевидно, не использует миллионера просто как средство достижения своих целей. В конце концов, Елена также является носительницей внутренней ценности, так что настоящей инструментализацией в этой ситуации был бы строгий запрет на вторжение в запертый коттедж. Ведь тогда мы бы относились к Елене не как цели самом по себе, а как простому средству утверждения ценности прав собственности миллионера. Но права собственности ценные лишь инструментально, тогда как жизнь Елены ценна безусловно.

Таким образом, можно нарушить чьи-то права собственности на внешние ресурсы, не относясь к этому человеку как простому средству. И если тело — это просто внешний ресурс, то телесные права можно нарушать без того, чтобы инструментализировать собственника этого тела (ср.: Прокофьев, 2008). Соответственно, эти права не следуют напрямую из запрета инструментализации. В лучшем случае этот запрет оправдывает только очень слабые и чувствительные к фактам права собственности

said that their prohibition follows *directly* from the prohibition on treating other people as instruments.

Consider an example given by Eric Mack (2006, p. 109). Imagine Helen, an experienced and well-prepared mountain climber, setting out on a mountain hike. Contrary to all the weather forecasts which Helen had prudently consulted, a snowstorm begins during her hike, for which she is unprepared. She risks dying in the cold unless she finds shelter. Fortunately, Helen stumbles upon a locked mountain cottage belonging to a millionaire. Helen has no other way of saving her life except by trespassing on this millionaire's property rights. And if Helen does so, she is clearly not using the millionaire simply as a means to an end. After all, Helen also possesses intrinsic value: in this situation, a strict prohibition on her trespassing on the locked cottage would amount to the instrumentalization of Helen. It would be to treat Helen not as an end in herself, but as a simple means of affirming the value of the millionaire's property rights. However, property rights are valuable only instrumentally, whereas Helen's life is valuable unconditionally.

Thus, one can violate someone's property rights to external resources without treating that person as a mere means. And if the body is a mere external resource, then bodily rights can be violated without instrumentalizing the owner of that body (cf. Prokofyev, 2008). Accordingly, these rights cannot follow directly from the prohibition on instrumentalization. At best, this prohibition justifies only very weak and fact-sensitive property rights to the body (Lippert-Rasmussen, 2008, p. 90). But self-ownership is conceived by libertarians as a *fact-in-*

на тело (Lippert-Rasmussen, 2008, p. 90). Но самопринадлежность задумана либертарианцами как *нечувствительный к фактам* принцип (Carter, 2019, p. 96). Ведь только в таком случае владение собственным телом может обеспечить те спорные практические следствия, которые отстаивают либертарианцы.

Кантианская дилемма для либертарианцев, соответственно, состоит в следующем. Если они утверждают, что тело является частью личности, то они не могут вывести самопринадлежность из категорического императива, потому что это предполагает самоинструментализацию. Если они утверждают, что тело не является частью личности, то они не могут вывести самопринадлежность из категорического императива, потому что нарушение прав на внешние ресурсы возможно без инструментализации их владельца. В любом из двух случаев попытка кантианского обоснования самопринадлежности терпит неудачу.

Заключение

Многие либертарианцы хотели бы видеть Иммануила Канта в числе своих союзников. Но, как мы показали, эти надежды напрасны. Вторая формулировка категорического императива, даже если рассматривать ее изолированно от других формулировок, не дает надежного обоснования для самопринадлежности. Напротив, эта формулировка оправдывает обязанности перед самим собой, которые однозначно несовместимы с радикальным антипатернализмом самопринадлежности¹⁵.

В этой кантианской критике самопринадлежности легко угадываются черты известного антикомодификационного аргумента против самопринадлежности (Anderson, 1993; Munzer, 1994; Radin, 2001; Satz, 2010; Sandel, 2012). Согласно ему, мы должны отвергнуть самопринадлежность, потому, что она заставляет нас рассматривать собственное тело как просто

¹⁵ О «кантианском патернализме» также см.: (Cholbi, 2002; Cholbi, 2013).

sensitive principle (Carter, 2019, p. 96). For only then can ownership of one's own body entail the controversial practical consequences that libertarians defend.

The Kantian dilemma for libertarians is thus as follows. If they claim that the body is part of the person, they cannot derive self-ownership from the categorical imperative because this presupposes self-instrumentalization. If they claim that the body is not part of the person, they cannot derive self-ownership from the categorical imperative because it is possible to violate rights to external resources without instrumentalizing their owner. In either case, the attempt at a Kantian justification of self-ownership fails.

Conclusion

Many libertarians would like to count Immanuel Kant among their allies. But, as we have seen, this hope is in vain. The second formulation of the categorical imperative, even when considered in isolation from the other formulations, does not provide a robust justification for self-ownership. On the contrary, it justifies duties to oneself that are clearly incompatible with the radical anti-paternalism of self-ownership.¹⁵

This Kantian critique of self-ownership tracks features of the famous anti-commodification argument against self-ownership (Anderson, 1993; Munzer, 1994; Radin, 2001; Satz, 2010; Sandel, 2012). According to this argument, we should reject self-ownership because it forces us to view our bodies as mere economic resources, obscuring our inherent, unconditional value. The reasoning we have presented allows us to better understand the moral intuitions underlying this influential objection. It also reinforces Kant's rejection of

¹⁵ On “Kantian paternalism” see also Cholbi (2002; 2013).

экономический ресурс, затмевая присущую нам безусловную ценность. Представленное нами рассуждение позволяет лучше понять моральные интуиции, лежащие в основе этого влиятельного возражения. Оно также усиливает кантовское непринятие самопринадлежности, основанное на нерефлексивном характере владения собственностью. Это рассуждение предполагает, что владение собственностью – это двустороннее отношение между субъектом-собственником, который имеет внутреннюю ценность, и объектом-собственностью, который имеет лишь инструментальную ценность¹⁶. Потому в полном согласии с Кантом подобное отношение нельзя иметь к самому себе, но его также нельзя иметь к другим людям, вопреки кантовским взглядам на права в отношении жены, детей и слуг. Это не только позволяет лучше согласовать кантовскую позицию с распространенными сегодня моральными интуициями, но также помогает избежать либертарианского возражения, что ограничение нерефлексивности является произвольным и непоследовательным.

Более того, это рассуждение в определенном отношении лучше согласуется с теорией Канта, чем ее либертарианские реконструкции. Как подмечают ван дер Воссен и Кристмас, кантовская теория собственности несовместима с либертарианством, потому что либертарианцы рассматривают права собственности как естественные дополитические права. Напротив, хотя Кант признаёт наличие у людей естественных прав, конкретно права собственности в рамках его теории могут быть установлены только политической властью в гражданском состоянии (AA 06, S. 255–256; Кант, 1994а, с. 280–281;

¹⁶ Однако Корсгаард предполагает, что некоторые объекты также обладают внутренней, а не просто инструментальной ценностью. Например, это может быть сама природа или великие шедевры мирового искусства (Korsgaard, 2013). Даже если Корсгаард права в этом, это не подрывает представленный аргумент, потому что внутренняя ценность этих объектов показывает, что к ним также неуместно отношение, подразумеваемое либертарианскими правами собственности.

self-ownership, based on the non-reflexive nature of property ownership. This reasoning assumes that property ownership is a two-way relationship between the owning subject, who has intrinsic value, and the owned object, which has only instrumental value.¹⁶ Therefore, in full agreement with Kant, such a relationship cannot obtain with oneself; but, contrary to Kant's views on rights with respect to one's wife, children, and servants, it also cannot be held with others. Not only does this better align Kant's position with current moral intuitions, but it also helps avoid the libertarian objection that the non-reflexivity restriction is arbitrary and inconsistent.

Moreover, this reasoning is in some respects more consistent with Kant's theory than its libertarian counterparts. As van der Vossen and Christmas note, Kant's theory of property is incompatible with libertarianism because libertarians regard property rights as natural, pre-political rights. In contrast, although Kant acknowledges the existence of natural rights among individuals, property rights on his theory can only be established by political authority in the civil state (MS RL, AA 06, pp. 255–256; Kant, 1991, p. 77; Van der Vossen, 2015, p. 64; Christmas, 2021, p. 336; cf. Nagel, Murphy, 2004). This also explains why bodily rights cannot be explained in terms of property rights: people have rights to bodily integrity, independent of any conventions or state regulations, simply by virtue of having intrinsic value, whereas property rights must be established by a legitimate political authority.¹⁷

¹⁶ However, Korsgaard (2013) suggests that some objects also have intrinsic, rather than merely instrumental, value. For example, nature itself or the great masterpieces of world art. Even if Korsgaard is right about this, this does not undermine the argument presented, because the intrinsic value of these objects shows that they too are inappropriately treated in the way that libertarian property rights imply.

¹⁷ On natural law in Kant, see also Krouglov (2025).

Van der Vossen, 2015, p. 64; Christmas, 2021, p. 336; cp.: Nagel, Murphy, 2004). Это также объясняет, почему телесные права не могут быть объяснены через права собственности: люди обладают правами на телесную неприкосновенность вне зависимости от любых конвенций и государственных установлений просто в силу того, что обладают внутренней ценностью, тогда как права собственности требуют легитимной политической власти для своего установления¹⁷.

Однако кантианский либертиариец мог бы снова указать на сформулированные ранее негативный и позитивный аргументы в пользу самопринадлежности. Разве мы показали, что эти аргументы недействительны? Против негативного аргумента достаточно снова указать, что сам по себе этот довод не свидетельствует в пользу самопринадлежности, но лишь против рабовладения. Мы также можем усилить его, сказав, что раз морально неправильно рассматривать других людей как собственность, то столь же неправильно относиться таким образом к самому себе. Против позитивного аргумента мы можем указать, что личная и моральная автономия, необходимые для реализации категорического императива, необязательно требуют именно самопринадлежности. Для осуществления этих двух типов автономии достаточно либеральной концепции базовых прав в духе Ролза, которая не наделяет людей абсолютной свободой заниматься саморазрушительным поведением.

В завершение стоит отметить, что наше рассуждение не опровергает самопринадлежность как таковую, но лишь показывает, что один из популярных способов аргументации в ее пользу ошибочен. Этот принцип нельзя обосновать, опираясь на кантовские предпосылки. Но либертиариецы могут избрать себе другого влиятельного предшественника и строить свою аргументацию с опорой на него. Так, Оцука, Кристмас и ван дер Воссен противопоставляют кантианский и локкеанский подходы, отдавая предпочтение второму из них. В наши цели не

However, a Kantian libertarian might point again to the negative and positive arguments for self-ownership formulated earlier. Have we shown that these arguments are invalid? Against the negative argument, it is enough to point out again that this argument does not, in itself, defend self-ownership, but only prohibits slave ownership. We might strengthen this view further by asserting that since it is morally wrong to regard other people as property, it is equally wrong to regard oneself as such. Against the positive argument, we might point out that the personal and moral autonomy required to realize the categorical imperative do not necessarily require self-ownership. A liberal conception of basic rights in the spirit of Rawls, which does not grant people absolute freedom to engage in self-destructive behaviour, is sufficient to realize these two types of autonomy.

Finally, it is worth noting that our argument does not refute self-ownership as such, but only shows that one of the popular ways of arguing in its favour is mistaken. The self-ownership principle cannot be justified on the basis of Kantian premises. But libertarians can choose another influential predecessor and base their argument on that. Thus, Otsuka, Christmas, and van der Vossen contrast the Kantian and Lockean approaches, favouring the latter. It was not the goal of this article to refute all existing arguments for self-ownership, but I hope to have shown that the Kant-inspired argument, specifically, misses its mark.

Acknowledgments. I express my gratitude to Arina Cherepanova, Alexander Razin, Aslan Gadhikurbanov, Evgeny Loginov, Artem Besedin, Andrey Prokofyev, Olga Artemyeva, Anastasia Povecherova, Artem Iunusov, Timur Saev, Alexander Pavlov, Nikolai Afanasov, Alexander Pisarev,

¹⁷ О естественном праве у Канта также см.: (Круглов, 2025).

входило опровержение всех существующих аргументов в пользу самопринадлежности, но, надеюсь, нам удалось показать, что конкретно вдохновленный Кантом аргумент явно не достигает своей цели.

Благодарности. Выражаю благодарность Арине Черепановой, Александру Разину, Аслану Гаджикурбанову, Евгению Логинову, Артёму Беседину, Андрею Прокофьеву, Ольге Артемьевой, Анастасии Повечеровой, Артёму Юнусову, Тимуру Саеву, Александру Павлову, Николаю Афанасову, Александру Писареву, Дмитрию Середе, Никите Бондаренко, анонимному рецензенту и участникам конференций «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023) и «Современная практическая и прикладная философия» (Институт философии РАН, 2024) за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьёй.

Список литературы

Артемьева О. В. Человеческое достоинство в моральном измерении // Философия и практика / отв. ред. А. А. Гусейнов, сост. Н. Б. Афанасов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 244–263.

Гаджикурбанов А. Г. Идея человечества в категорическом императиве Канта // Этическая мысль. 2023. Т. 23, № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-2-5-19>.

Кант С. Кант и вагонетка / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 112–119. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119>.

Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Основоположения метафизики нравов / пер. с нем. Л. Д. Б. // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 153–246.

Кант И. Естественное право Фейерабенда. Введение / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016а. Т. 35, № 3. С. 75–81. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-3-7>.

Dmitry Sereda, Nikita Bondarenko, an anonymous reviewer, and the participants of the conferences “Philosophy in the 21st Century: New Strategies of Philosophical Search” (Lomonosov Moscow State University, 2023) and “Contemporary Practical and Applied Philosophy” (RAS Institute of Philosophy, 2024) for their useful comments and discussions that helped with this article.

References

- Anderson, E. S., 1993. *Value in Ethics and Economics*. Cambridge: Harvard University Press.
- Arneson, R. J., 1999. Human Flourishing versus Desire Satisfaction. *Social Philosophy & Policy*, 16(1), pp. 113–142. <https://doi.org/10.1017/S0265052500002272>
- Artemyeva, O. V., 2024. Human Dignity in the Moral Dimension. In: A. A. Guseynov and N. B. Afanasov, eds. 2024. *Filosofiya i praktika [Philosophy and Practice]*. Moscow & St. Petersburg: Center for Humanities Initiatives, pp. 244–263. (In Rus.)
- Attas, D., 2000. Freedom and Self-Ownership. *Social Theory and Practice*, 26(1), pp. 1–23. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20002615>
- Audi, R. N., 2004. *The Good in the Right: A Theory of Intuition and Intrinsic Value*. Princeton: Princeton University Press.
- Bader, R. M., 2015. Kantian Axiology and the Dualism of Practical Reason. In: I. Hirose and J. Olson, eds. 2015. *The Oxford Handbook of Value Theory*. New York: Oxford University Press, pp. 175–202. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199959303.013.0011>
- Bardon, A., 2000. From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert. *Critical Review: A Journal of Politics and Society*, 14(4), pp. 481–501. <https://doi.org/10.1080/08913810008443570.29>
- Block, W. E., 2003. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein. *Journal of Libertarian Studies*, 17(2), pp. 39–86.
- Bojanowski, J., 2017. Why Kant Is Not a Moral Intuitionist. In: E. E. Schmidt and R. dos Santos, eds. 2017. *Realism and Anti-Realism in Kant's Moral Philosophy*. Berlin: De Gruyter, pp. 179–196. <https://doi.org/10.1515/9783110574517-008>

Кант И. Естественное право Фейерабенда. Введение / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016б. Т. 35, № 4. С. 56–62. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-4>.

Китчер Ф. Натурализируя Канта // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 1. С. 118–146. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-5>.

Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал / *Philosophy Journal*. 2025. Т. 18, № 3. С. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>.

Логинов Е. В., Мерцалов А. В., Салин А. С., Чугайнова Ю. И., Юнусов А. Т. Пролегомены к проблеме тождества личности // Финиковый Компот. 2018. № 13. С. 6–40. <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001>.

Морозов К. Е. Нарушает ли перераспределение доходов категорический императив? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024а. Т. 9, № 3. С. 90–98. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-3-90-98>.

Морозов К. Е. Является ли согласованная немоногамия этичной? // Проблемы этики. 2024б. № 13. С. 32–51.

Морозов К. Е. Самопринадлежность и телесная целостность // Человек. 2025. Т. 36, № 2. С. 73–89. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020048>.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. ; Челябинск : Социум, 2020.

Повечерова А. В. Понятие морального чувства в этике Канта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 70–98. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3>.

Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5 (68). С. 60–90.

Ротбард М. Этика свободы. М. : Скрипториум, 2019.

Чалый В. А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // Кантовский сборник. 2014. № 2. С. 46–52. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-2-4>.

Anderson E. S. Value in Ethics and Economics. Cambridge : Harvard University Press, 1993.

Arneson R. J. Human Flourishing versus Desire Satisfaction // *Social Philosophy & Policy*. 1999. Vol. 16, № 1. P. 113–142. <https://doi.org/10.1017/S0265052500002272>.

Attas D. Freedom and Self-Ownership // *Social Theory and Practice*. 2000. Vol. 26, № 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20002615>.

Audi R. N. The Good in the Right: A Theory of Intuition and Intrinsic Value. Princeton : Princeton University Press, 2004.

Bader R. M. Kantian Axiology and the Dualism of Practical Reason // *The Oxford Handbook of Value Theory* / ed. by I. Hirose, J. Olson. New York : Oxford University Press, 2015. P. 175–202. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199959303.013.0011>.

Brenkert, G. G., 1998. Self-Ownership, Freedom, and Autonomy. *The Journal of Ethics*, 2, pp. 27–55. <https://doi.org/10.1023/A:1009786331882>

Brennan, J., 2020. Against the Moral Powers Test of Basic Liberty. *European Journal of Philosophy*, 28(2), pp. 492–505. <https://doi.org/10.1111/ejop.12497>

Brink, D. O., 2019. Normative Perfectionism and the Kantian Tradition. *Philosophers' Imprint*, 19(45), pp. 1–28. Available at: <<http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0019.045>> [Accessed 20 July 2025].

Bryan, B., 2019. Duty-Sensitive Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 264–283. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000487>

Carter, I., 2019. Self-Ownership and the Importance of the Human Body. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 94–115. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000384>

Chaly, V. A., 2014. Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory. *Kantian Journal*, 2, pp. 46–52. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-2-4> (In Rus.)

Cholbi, M. J., 2002. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory. *Journal of Applied Philosophy*, 19(3), pp. 245–259. <https://doi.org/10.1111/1468-5930.t01-1-00221>

Cholbi, M. J., 2013. Kantian Paternalism and Suicide Intervention. In: C. Coons and M. Weber, eds. 2013. *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 115–133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139179003.007>

Christman, J., 1994. *The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195085945.001.0001>

Christmas, B., 2021. Answering the Conventionalist Challenge to Natural Rights Theory. *Res Publica*, 27(3), pp. 329–345. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09476-y>

Cohen, G. A., 1995. *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521270>

Cudd, A. E., 2019. Connected Self-Ownership and Our Obligations to Others. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 154–173. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000402>

Ellerman, D., 2010. Inalienable Rights: A Litmus Test for Liberal Theories of Justice. *Law and Philosophy*, 29, pp. 571–599. <https://doi.org/10.1007/s10982-010-9076-8>

Exdell, J., 1977. Distributive Justice: Nozick on Property Rights. *Ethics*, 87(2), pp. 142–149. <https://doi.org/10.1086/292025>

- Bardon A. From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert // *Critical Review: A Journal of Politics and Society*. 2000. Vol. 14, № 4. P. 481–501. <https://doi.org/10.1080/08913810008443570.29>.
- Block W. E. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein // *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol. 17, № 2. P. 39–86.
- Bojanowski J. Why Kant Is Not a Moral Intuitionist // Realism and Anti-Realism in Kant's Moral Philosophy / ed. by E. E. Schmidt, R. dos Santos. Berlin : De Gruyter, 2017. P. 179–196. <https://doi.org/10.1515/9783110574517-008>.
- Brenkert G. G. Self-Ownership, Freedom, and Autonomy // *The Journal of Ethics*. 1998. Vol. 2. P. 27–55. <https://doi.org/10.1023/A:1009786331882>.
- Brennan J. Against the Moral Powers Test of Basic Liberty // *European Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 28, № 2. P. 492–505. <https://doi.org/10.1111/ejop.12497>.
- Brink D. O. Normative Perfectionism and the Kantian Tradition // *Philosophers' Imprint*. 2019. Vol. 19, № 45. P. 1–28. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0019.045>.
- Bryan B. Duty-Sensitive Self-Ownership // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, № 2. P. 264–283. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000487>.
- Carter I. Self-Ownership and the Importance of the Human Body // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, № 2. P. 94–115. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000384>.
- Cholbi M. J. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory // *Journal of Applied Philosophy*. 2002. Vol. 19, № 3. P. 245–259. <https://doi.org/10.1111/1468-5930.t01-1-00221>.
- Cholbi M. J. Kantian Paternalism and Suicide Intervention // *Paternalism: Theory and Practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 115–133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139003.007>.
- Christman J. The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership. Oxford : Oxford University Press, 1994. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195085945.001.0001>.
- Christmas B. Answering the Conventionalist Challenge to Natural Rights Theory // *Res Publica*. 2021. Vol. 27, № 3. P. 329–345. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09476-y>.
- Cohen G. A. Self-Ownership, Freedom, and Equality. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521270>.
- Feser, E., 2000. Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*, 5(2), pp. 219-235.
- Feser, E., 2005. Self-Ownership and Personal Identity. *Social Philosophy & Policy*, 22(2), pp. 100-125. <https://doi.org/10.1017/s0265052505052052>
- Frederick, D., 2014. Voluntary Slavery. *Las Torres de Lucca: Revista Internacional de Filosofía Política*, 3(4), pp. 115-137.
- Gadzhikurbanov, A.G., 2023. The Idea of Humanity in Kant's Categorical Imperative. *Eticheskaya mysль / Ethical Thought*, 23(2), pp. 5-19. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-2-5-19> (In Rus.)
- Grunebaum, J. O., 2000. Autonomous Ownership. In: P. Vallentyne and H. Steiner, eds. 2000. *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. New York: Palgrave, pp. 48-73.
- Kahn, S. J. M., 2022. Kant and the Duty to Promote One's Own Happiness. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 65(3), pp. 327-338. <https://doi.org/10.1080/0020174x.2018.1446047>
- Kahn, S. J. M., 2023. Kant and the Trolley. *The Journal of Value Inquiry*, 57(3), pp. 487-497. <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09838-6>
- Kant, I., 1991. *The Metaphysics of Morals*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Groundwork for the Metaphysics of Morals*. Edited and translated by A. W. Wood. New Haven: Yale University Press.
- Kant, I., 2016. Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend. Translated by K. R. Westphal. In: F. Rauscher, ed. 2016. *Kant: Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 81-180. <https://doi.org/10.1017/9781139046237.006>
- Kershner, S., 2003. A Liberal Argument for Slavery. *Journal of Social Philosophy*, 34(4), pp. 510-536. <https://doi.org/10.1111/1467-9833.00198>
- Kitcher, P., 2022. Naturalising Kant. *Kantian Journal*, 41(1), pp. 118-146. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-5>
- Korsgaard, C. M., 1989. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit. *Philosophy & Public Affairs*, 18(2), pp. 103-131.
- Korsgaard, C. M., 1993. The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction Between Agent-Relative and Agent-Neutral Values. *Social Philosophy & Policy*, 10(1), pp. 24-51. <https://doi.org/10.1017/s0265052500004003>

Cudd A. E. Connected Self-Ownership and Our Obligations to Others // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, №2. P. 154–173. <https://doi.org/10.1017/S0265052519000402>.

Ellerman D. Inalienable Rights: A Litmus Test for Liberal Theories of Justice // *Law and Philosophy*. 2010. Vol. 29. P. 571–599. <https://doi.org/10.1007/s10982-010-9076-8>.

Exdell J. Distributive Justice: Nozick on Property Rights // *Ethics*. 1977. Vol. 87, №2. P. 142–149. <https://doi.org/10.1086/292025>.

Feser E. Taxation, Forced Labor, and Theft // *The Independent Review*. 2000. Vol. 5, №2. P. 219–235.

Feser E. Self-Ownership and Personal Identity // *Social Philosophy & Policy*. 2005. Vol. 22, №2. P. 100–125. <https://doi.org/10.1017/S0265052505052052>.

Frederick D. Voluntary Slavery // *Las Torres de Lucca: Revista Internacional de Filosofía Política*. 2014. Vol. 3, №4. P. 115–137.

Grunebaum J.O. Autonomous Ownership // Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate / ed. by P. Vallentyne, H. Steiner. N. Y. : Palgrave, 2000. P. 48–73.

Kahn S. J. M. Kant and the Duty to Promote One's Own Happiness // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 65, №3. P. 327–338. <https://doi.org/10.1080/0020174x.2018.1446047>.

Kershner S. A Liberal Argument for Slavery // *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34, №4. P. 510–536. <https://doi.org/10.1111/1467-9833.00198>.

Korsgaard C. M. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit // *Philosophy & Public Affairs*. 1989. Vol. 18, №2. P. 103–131.

Korsgaard C. M. The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction Between Agent-Relative and Agent-Neutral Values // *Social Philosophy & Policy*. 1993. Vol. 10, №1. P. 24–51. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004003>.

Korsgaard C. M. The Sources of Normativity / ed. by O. O'Neill. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>.

Korsgaard C. M. Motivation, Metaphysics, and the Value of the Self: A Reply to Ginsborg, Guyer, and Schneewind // *Ethics*. 1998. Vol. 109, №1. P. 49–66. <https://doi.org/10.1086/233873>.

Korsgaard C. M. Personhood, Animals, and the Law // *Think*. 2013. Vol. 12, №34. P. 25–32. <https://doi.org/10.1017/S1477175613000018>.

Kukathas C. Libertarianism Without Self-Ownership // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, №2. P. 71–93. <https://doi.org/10.1017/S0265052519000505>.

Korsgaard, C. M., 1996. *The Sources of Normativity*. Edited by O. O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>

Korsgaard, C. M., 1998. Motivation, Metaphysics, and the Value of the Self: A Reply to Ginsborg, Guyer, and Schneewind. *Ethics*, 109(1), pp. 49–66. <https://doi.org/10.1086/233873>

Korsgaard, C. M., 2013. Personhood, Animals, and the Law. *Think*, 12(34), pp. 25–32. <https://doi.org/10.1017/S1477175613000018>

Krouglov, A. N., 2025. Kant and Hegel: Natural Law or Philosophy of Right? *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 18(3), pp. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56> (In Rus.)

Kukathas, C., 2019. Libertarianism Without Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 71–93. <https://doi.org/10.1017/S0265052519000505>

Kuznicki, J., 2016. Kantianism. In: A. R. Powell and G. Babcock, eds. 2016. *Arguments for Liberty*. Washington, DC: Cato Institute, pp. 87–122.

Lippert-Rasmussen, K., 2008. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body. *Philosophy & Public Affairs*, 36(1), pp. 86–118. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2008.00125.x>

Loginov, E. V., Mertsalov, A. V., Salin, A. S., Chuganova, Ju.I. and Iunusov, A. T., 2018. Prolegomena to Personal Identity Problem. *Date Palm Compote*, 13, pp. 6–40. <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001> (In Rus.)

Mack, E., 1995. The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Lockean Proviso. *Social Philosophy & Policy*, 12(1), pp. 186–218. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004611>

Mack, E., 2006. Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation. *Social Philosophy & Policy*, 23(2), pp. 109–141. <https://doi.org/10.1017/S0265052506060195>

Mack, E., 2010. The Natural Right of Property. *Social Philosophy & Policy*, 27(1), pp. 53–78. <https://doi.org/10.1017/S0265052509990033>

Mack, E., 2016. Natural Rights. In: A. R. Powell and G. Babcock, eds. 2016. *Arguments for Liberty*. Washington, DC: Cato Institute, pp. 49–85.

Morozov, K. E., 2024a. Is Income Redistribution a Violation of the Categorical Imperative? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 9(3), pp. 90–98. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-3-90-98> (In Rus.)

Kuznicki J. Kantianism // Arguments for Liberty / ed. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC : Cato Institute, 2016. P. 87–122.

Lippert-Rasmussen K. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body // *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, №1. P. 86–118. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2008.00125.x>.

Mack E. The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Lockean Proviso // *Social Philosophy & Policy*. 1995. Vol. 12, №1. P. 186–218. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004611>.

Mack E. Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation // *Social Philosophy & Policy*. 2006. Vol. 23, №2. P. 109–141. <https://doi.org/10.1017/S0265052506060195>.

Mack E. The Natural Right of Property // *Social Philosophy & Policy*. 2010. Vol. 27, №1. P. 53–78. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990033>.

Mack E. Natural Rights // Arguments for Liberty / ed. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC : Cato Institute, 2016. P. 49–85.

Munzer S. An Uneasy Case Against Property Rights in Body Parts // *Social Philosophy & Policy*. 1994. Vol. 11, №2. P. 259–286. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004519>.

Nagel T. Libertarianism Without Foundations // *The Yale Law Journal*. 1975. Vol. 85, №1. P. 136–149. <https://doi.org/10.2307/795521>.

Nagel T., Murphy L. *The Myth of Ownership: Taxes and Justice*. Oxford : Oxford University Press, 2004. <https://doi.org/10.1093/0195150163.001.0001>.

Narveson J. Libertarianism // *The Blackwell Guide to Ethical Theory* / ed. by H. LaFollette, I. Persson. Hoboken : Blackwell, 2013. P. 373–393.

Olson E. T. *The Human Animal: Personal Identity Without Psychology*. Oxford : Oxford University Press, 1999. <https://doi.org/10.1093/0195134230.001.0001>.

Olsthoorn J. Self-Ownership and Despotism: Locke on Property in the Person, Divine Dominium of Human Life, and Rights-Forfeiture // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, №2. P. 242–263. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000438>.

Otsuka M. *Libertarianism Without Inequality*. Oxford : Clarendon Press, 2003. <https://doi.org/10.1093/0199243956.001.0001>.

Otteson J. R. Kantian Individualism and Political Libertarianism // *The Independent Review*. 2009. Vol. 13, №3. P. 389–409.

Quong J. Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck Egalitarian // *The Journal of Political Philosophy*. 2011. Vol. 19, №1. P. 64–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2010.00376.x>.

Morozov, K. E., 2024b. Is Consensual Non-Monogamy Ethical? *Problems of Ethics*, 13, pp. 32-51. (In Rus.)

Morozov, K. E., 2025. Self-Ownership and Bodily Integrity. *The Human Being*, 36(2), pp. 73-89. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020048> (In Rus.)

Munzer, S. R., 1994. An Uneasy Case Against Property Rights in Body Parts. *Social Philosophy & Policy*, 11(2), pp. 259-286. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004519>

Nagel, T., 1975. Libertarianism Without Foundations. *The Yale Law Journal*, 85(1), pp. 136-149. <https://doi.org/10.2307/795521>

Nagel, T. and Murphy, L., 2004. *The Myth of Ownership: Taxes and Justice*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195150163.001.0001>

Narveson, J., 2013. Libertarianism. In: H. LaFollette and I. Persson, eds. 2013. *The Blackwell Guide to Ethical Theory*. Hoboken: Blackwell, pp. 373-393.

Nozick, R., 1974. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.

Olson, E. T., 1997. *The Human Animal: Personal Identity Without Psychology*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195134230.001.0001>

Olsthoorn, J., 2019. Self-Ownership and Despotism: Locke on Property in the Person, Divine Dominium of Human Life, and Rights-Forfeiture. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 242-263. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000438>

Otsuka, M., 2003. *Libertarianism Without Inequality*. Oxford: Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/0199243956.001.0001>

Otteson, J. R., 2009. Kantian Individualism and Political Libertarianism. *The Independent Review*, 13(3), pp. 389-409.

Povecherova, A. V., 2024. The Concept of Moral Sense in Kant's Ethics. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 70-98. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3>

Prokofyev, A. V., 2008. Kant, Deception, Use of Force... *Logos*, 5(68), pp. 60-90. (In Rus.)

Quong, J., 2011. Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck Egalitarian. *The Journal of Political Philosophy*, 19(1), pp. 64-89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2010.00376.x>

Radin, M. J., 2001. *Contested Commodities*. Cambridge: Harvard University Press.

Rawls, J., 1996. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press.

- Radin M. J. Contested Commodities. Cambridge : Harvard University Press, 2001.
- Rawls J. Political Liberalism. N. Y. : Columbia University Press, 1996.
- Russell D. C. Embodiment and Self-Ownership // Social Philosophy & Policy. 2010. Vol. 27, №1. P. 135–167. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990069>.
- Sandel M. J. What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. N. Y. : Farrar Straus & Giroux, 2012.
- Satz D. Why Some Things Should Not Be for Sale: The Moral Limits of Markets. Oxford : Oxford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195311594.001.0001>.
- Saunders J., Slater J., Sticker M. Kant and Overdemandingness I: The Demandingness of Imperfect Duties // Philosophy Compass. 2024. Vol. 19, №6. P. 1–13. <https://doi.org/10.1111/phc3.12998>.
- Schönecker D. Kant's Moral Intuitionism: The Fact of Reason and Moral Predispositions // Kant Studies Online. 2013. Vol. 1. P. 1–38.
- Smith G. H. Immanuel Kant's Theory of Justice // Libertarianism.org. 2016. URL: <https://www.libertarianism.org/columns/immanuel-kants-theory-justice> (дата обращения: 15.07.2025).
- Spafford J. Self-Ownership and the Duty to Assist // Journal of Applied Philosophy. 2022. Vol. 39, №5. P. 857–869. <https://doi.org/10.1111/japp.12595>.
- Steiner H. An Essay on Rights. Oxford : Blackwell, 1994.
- Sunstein C. R., Thaler R. H. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron // University of Chicago Law Review. 2003. Vol. 70, №4. P. 1159–1202. <https://doi.org/10.2307/1600573>.
- Suprenant C. W. Kant's Liberalism // The Routledge Handbook of Libertarianism / ed. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y. : Routledge, 2018. P. 68–76.
- Swinburne R. Mind, Brain, and Free Will. Oxford : Oxford University Press, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199662562.001.0001>.
- Taylor R. S. A Kantian Defense of Self-Ownership // Journal of Political Philosophy. 2004. Vol. 12, №1. P. 65–78. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00191.x>.
- Taylor R. S. Self-Ownership and the Limits of Libertarianism // Social Theory and Practice. 2005. Vol. 31, №4. P. 465–482. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract200531423>.
- Teuber A. Kant's Respect for Persons // Political Theory. 1983. Vol. 11, №3. P. 369–392. <https://doi.org/10.1177/0090591783011003004.28>.
- Rothbard, M. N., 2016. *The Ethics of Liberty*. Auburn: Mises Institute.
- Russell, D. C., 2010. Embodiment and Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 27(1), pp. 135–167. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990069>
- Sandel, M. J., 2012. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. New York: Farrar Straus & Giroux.
- Satz, D., 2010. *Why Some Things Should Not Be for Sale: The Moral Limits of Markets*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195311594.001.0001>
- Saunders, J., Slater, J. and Sticker, M., 2024. Kant and Overdemandingness I: The Demandingness of Imperfect Duties. *Philosophy Compass*, 19(6), pp. 1-13. <https://doi.org/10.1111/phc3.12998>
- Schönecker, D., 2013. Kant's Moral Intuitionism: The Fact of Reason and Moral Predispositions. *Kant Studies Online*, 1, pp. 1-38.
- Smith, G. H., 2016. Immanuel Kant's Theory of Justice. *Libertarianism.org*. Available at: <<https://www.libertarianism.org/columns/immanuel-kants-theory-justice>> (Accessed 15.07.2025).
- Spafford, J., 2022. Self-Ownership and the Duty to Assist. *Journal of Applied Philosophy*, 39(5), pp. 857-869. <https://doi.org/10.1111/japp.12595>
- Steiner, H., 1994. *An Essay on Rights*. Oxford: Blackwell.
- Sunstein, C. R. and Thaler, R. H., 2003. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*, 70(4), pp. 1159-1202. <https://doi.org/10.2307/1600573>
- Suprenant, C. W., 2018. Kant's Liberalism. In: B. van der Vossen, J. Brennan and D. Schmidtz, eds. 2018. *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York: Routledge, pp. 68-76.
- Swinburne, R., 2013. *Mind, Brain, and Free Will*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199662562.001.0001>
- Taylor R. S., 2004. A Kantian Defense of Self-Ownership. *Journal of Political Philosophy*, 12(1), pp. 65-78. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00191.x>
- Taylor, R. S., 2005. Self-Ownership and the Limits of Libertarianism. *Social Theory and Practice*, 31(4), pp. 465-482. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract200531423>
- Teuber, A., 1983. Kant's Respect for Persons. *Political Theory*, 11(3), pp. 369-392. <https://doi.org/10.1177/0090591783011003004.28>

Vallentyne P., Steiner H., Otsuka M. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried // *Philosophy & Public Affairs*. 2005. Vol. 33, № 2. P. 201–215. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2005.00030.x>.

Vallier K. Against Utilitarianism and Self-Ownership Defenses of Libertarianism // *Bleeding Heart Libertarians*. 2012. URL: <https://bleedingheartlibertarians.com/2012/02/against-utilitarianism-and-self-ownership-defenses-of-libertarianism/> (дата обращения: 15.07.2025).

Van der Vossen B. Imposing Duties and Original Appropriation // *The Journal of Political Philosophy*. 2015. Vol. 23, № 1. P. 64–85. <https://doi.org/10.1111/jopp.12029>.

Van der Vossen B. Property Rights // *The Routledge Companion to Libertarianism* / ed. by M. Zwolinski, B. Ferguson. N. Y. : Routledge, 2022. P. 120–134. <https://doi.org/10.4324/9780367814243-11>.

Van Parijs P. Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism? Oxford : Clarendon Press, 1997. <https://doi.org/10.1093/0198293577.001.0001>.

Varden H. Rawls vs. Nozick vs. Kant on Domestic Economic Justice // *Kant and Social Policies* / ed. by A. Faggion, A. Pinzani, N. S. Madrid. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 93–123. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42658-7_5.

Wendt F. The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property // *Social Theory and Practice*. 2022. Vol. 48, № 3. P. 583–605. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract2022531165>.

Wheeler III S. C. Natural Property Rights as Body Rights // *Noûs*. 1980. Vol. 14, № 2. P. 171–193. <https://doi.org/10.2307/2214859>.

Widerquist K. Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No. N. Y. : Palgrave, 2013. <https://doi.org/10.1057/9781137313096>.

Williams H. Kant and Libertarianism // *Kant on Practical Justification: Interpretive Essays* / ed. by M. Timmons, S. Baiasu. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 269–283. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395686.003.0012>.

Wood A. W. Kant's Practical Philosophy // *The Cambridge Companion to German Idealism* / ed. by K. Ameriks. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 57–75. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521651786.004>.

Zwolinski M. The Separateness of Persons and Liberal Theory // *The Journal of Value Inquiry*. 2008. Vol. 42, № 2. P. 147–165. <https://doi.org/10.1007/s10790-008-9107-y>

Vallentyne, P., Steiner, H., Otsuka, M., 2005. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried. *Philosophy & Public Affairs*, 33(2), pp. 201-215. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2005.00030.x>

Vallier, K., 2012. Against Utilitarianism and Self-Ownership Defenses of Libertarianism. *Bleeding Heart Libertarians*. Available at: <<https://bleedingheartlibertarians.com/2012/02/against-utilitarianism-and-self-ownership-defenses-of-libertarianism/>> (Accessed 15.07.2025).

Van der Vossen, B., 2015. Imposing Duties and Original Appropriation. *The Journal of Political Philosophy*, 23(1), pp. 64-85. <https://doi.org/10.1111/jopp.12029>

Van der Vossen, B., 2022. Property Rights. In: M. Zwolinski and B. Ferguson, eds. 2022. *The Routledge Companion to Libertarianism*. New York: Routledge, pp. 120-134. <https://doi.org/10.4324/9780367814243-11>

Van Parijs, P., 1997. *Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism?* Oxford: Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/0198293577.001.0001>

Varden, H., 2016. Rawls vs. Nozick vs. Kant on Domestic Economic Justice. In: A. Faggion, A. Pinzani and N. S. Madrid, eds. 2016. *Kant and Social Policies*. London: Palgrave Macmillan, pp. 93-123. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42658-7_5

Wendt, F., 2022. The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property. *Social Theory and Practice*, 48(3), pp. 583-605. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract2022531165>

Wheeler III, S. C., 1980. Natural Property Rights as Body Rights. *Noûs*, 14(2), pp. 171-193. <https://doi.org/10.2307/2214859>

Widerquist, K., 2013. *Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No.* New York: Palgrave. <https://doi.org/10.1057/9781137313096>

Williams, H., 2013. Kant and Libertarianism. In: M. Timmons and S. Baiasu, eds. 2013. *Kant on Practical Justification: Interpretive Essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 269-283. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395686.003.0012>

Wood, A. W., 2006. Kant's Practical Philosophy. In: K. Ameriks, ed. 2006. *The Cambridge Companion to German Idealism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57-75. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521651786.004>

Zwolinski, M., 2008. The Separateness of Persons and Liberal Theory. *The Journal of Value Inquiry*, 42(2), pp. 147-165. <https://doi.org/10.1007/s10790-008-9107-y>

Об авторе

Константин Евгеньевич Морозов, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

Для цитирования:

Морозов К. Е. Самопринадлежность и категорический императив // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 81–109.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-3>

© Морозов К. Е., 2025.

The author

Konstantin E. Morozov, M A, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

To cite this article:

Morozov, K. E., 2025. Self-Ownership and the Categorical Imperative. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 81-109.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-3>

© Morozov K. E., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))